

СВЕТЛЯЧОК

01.01.2014

№ 1(34) Январь 2014 года

● Новогодье

* * *

Насмешив горячим чаем
надвигающийся Север,
упаду, перепечален,
на волну листом осенним.
Закружу, не намокая,
отзываясь всем ветрам,
берега зима смыкает
белизной ветвей и трав.
Утону ль, куда причалю,
или просто вмёрзну в лёд, -
ничего не означает,
потому что жизнь - идёт.
А в конце или в начале, -
тоже, в общем, не секрет,
и в моей перепечали
ничего плохого нет.

Пётр Бобунов,
г. Нелидово

* * *

Щека к щеке. Как занавесом сцена,
мы шторой от зимы отделены.
И полумрак, и голос Джо Дассена,
и робкая податливость спины.
И свитер к свитеру – уже нас не заснежить,
тепло к теплу, два сердца в унисон,
и где-то вдалеке – шемяще-нежно –
простуженный и грустный саксофон.
Щека к щеке. Навек неразделимы
мы в этом танце вопреки зиме.
Мелодия...
– Любимая...
– Любимый...
И Новый Год на грешной, на земле.

Владимир Юринов,
г. Андреаполь

* * *

Качалка-кресло и махровый плед.
Камина нет? Придумаю под случай.
А там, в углу, пускай сидит сосед.
Нет, прежде незнакомый кто-то лучше.
Из недомолвок соткан разговор
Под тонкий запах кофе по квартире.
А вьюга замечает белым двор,
Свой дерзкий танец сотворяя в мире.
Уж за полночь, а нам и невдомёк.
Мы постигать друг друга не устали.
И каждый жест – таинственный намёк,
Который нам не высказать устами.

И руки (не от кофе ль?) горячи,
И красным отливает моё платье

Под отблески каминные в ночи
Лишь в шаге от распахнутой кровати.

Но, стоп, воображенье погаси,
К чему теперь из прошлого картины?
В аквариуме дремлют караси,
А угол затянуло паутиной.

Мargarита Петрова,
г. Андреаполь

* * *

На этой улице огни
Так долго не погаснут в окнах,
Застынут на морозных стеклах
Переживаний прошлых дни.

Затихнут белые сады
Под звездным инеем звенящим,
И по дороге в настоящем
Пролягут в прошлое следы.

На чистом ватмане зимы
Художник ветер нам напишет
Домов заснеженные крыши
И город, где встречались мы.

Валерий Линкевич,
г. Андреаполь

* * *

Вечно брезжит надежда в канун Рождества
огонёчком знакомым.
Подрастает ольшаник — готовить дрова
можно будет у дома.
Только кто к нашей печке подсядет со мной?
Да и сами мы те ли?
Но опять в полнолуние свежей луной
застилали постели.
И метели свистели, и лунная тишь
с яблонь сыпалась сонных
вместе с инеем. Что же ты, друг мой, грустишь
под ровесником — клёном?
И к морозному небу летят, как парок,
ожиданья, страданья.
До предела натянуты нити дорог.
Ну, прощай, до свиданья!
Дни закрутятся спицами в колесе,
полетят полным ходом.
И девятого мая опухший сосед
прокричит:
— С новым годом!

Василий Рысенков,
Торжок – Любино

• Гости клуба
Наталья Иванова

п. Пено

Жил да был... да вот
только правда ли?

По земле ходил
и цветы цвели.

Мёл небесный склон,
сыпал днём – покой.

Ну а ночью – сонм
жёлтых звёзд рекой.

Согревал в горстях
то туман, то дым,

Был у Муз в гостях,
да ушёл пустым.

Попросил бы дар,
чтоб не тратить сил.

Ну, а в прочем, да –
будь таким, как был.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Мне – встречать твой взор надменный,
В облаках седых купаюсь.

Ниже уровня Вселенной
Никогда не опускаюсь.

Посылать тебе проклятья,
Запинаясь, странным тоном.

Падать в нежные объятия
Кислым выжатым лимоном.

Целовать твои подошвы
Догоняющей собакой.

Замирая сладкой дрожью,
Иволгой всю ночь проплакав.

Опуская взор бессильный,
Неожиданно присниться,

Исчезая пеной мыльной
На запястьях и ресницах.

Мне в лесу тебя аукать,
Под ногой тропинкой виться,

Поздно вечером без стука
На пороге появиться.

* * *

Родные нераспаханные дали
Сосна, ольха, прощальный клёкот уток.
Наверное, элегии рождались
У Пушкина в такие вот минуты.
Лесной тропинкой женщина с котомкой,
Ссутулившись, спешит на остановку,
Звенит кукушка песней ломкой, тонкой.
Считать лета – нелепая уловка.
Комар, мошка, клещи, слепни и осы;
Пацан ведёт конягу к водопою,

В ладонях городские папиросы
Ещё под утро смочены росой.
Я стукну, повторяет эхо стук мой.
На пасеке налиты мёдом соты.
И как на мху осенней крупной клюквой
В лесу рассыпаны болота.

* * *

Мне снится край – здесь дождь полвека лил,
Давно размыты слякотью дороги,
А по бокам всё церкви да остроги,
И звон – не то цепей, не то молитв.
Я вижу белостенный храм вдали,
Где мы с тобой стоим у церкви бога,
В которого, увы, не верим оба
И непонятно для чего пришли.

* * *

Коварный луч ударил в стену,
Подпрыгнув, сердце замерло.

Оно замыслило измену,
Как этим мучилось оно!

С души стянуло покрывало,
Не понарошку – насовсем.

И понемногу истекало.

Не кровью. Непонятно чем.

* * *

Между явью и сном промежуток стирая,
Я уже не пойму, что с какой стороны.
Сколько сделать шагов от рожденья до края,
От рассветной зари до густеющей мглы?
Это ты среди яблок из райского сада
В ожидании Евы голодный Адам.
Неужели не чувствуешь - нежить из ада
За тобой как ищейка ползёт по следам.
Ну а ты выбираешь спокойную сытость,
Тихий дом, за окном шорох чьих-то шагов...
Гость, старуха, стучит... В капюшоне

закрытом

Ты ль косила отаву вокруг райских садов?

Но стоит, не заходит, становится тенью,
Исчезает во мраке ужасный покров...

Дорогой, я ведь тоже плыву по теченью

Этих мыслей, кошмаров, стихий и стихов.

И открыв моей жизни скучнейшую сагу,

Ту, где вены, и нервы, и сердце моё,

Ту, где строки текут сквозь меня и бумагу,

Через было и не было в небытиё.

Ты, захлопнув, не станешь читать это дальше

И устало забросишь её на стеллаж.

А бывают ли жизни и книги без фальши?

Может быть, ты ТАКУЮ напишешь, Наташ?

• *Новогодье***ЛЮБОЕ ВАШЕ ЖЕЛАНИЕ**

РАССКАЗ

Звонили требовательно и настойчиво.

– Сонькин стиль, – подумала Ольга, – но и для неё уж очень настырно. Что там за пожар у этой оторвы?

Она поспешно бросилась открывать, даже не посмотрев в глазок. Остолбенеть не было времени. Из открытой двери на Ольгу почти упал... мужчина. Если это косматое, вывалившееся в снег, неприятно пахнущее одновременно давним перегаром и свежим спиртным существо можно было так назвать.

– Ну, привет красавица! – неожиданно чётко и внятно для своего состояния произнёс он, не то садясь, не то заваливаясь на мягкую скамеечку у двери. – Говорили, что бабулька. А ты ещё вполне себе ничего. Даже посвататься можно. Можно посвататься? А?

– Что вы себе позволяете, – наконец обрела дар речи хозяйка, – немедленно вон! Я сейчас позвоню и вызову...

– Уйду, уйду. Сразу же, как сторгуемся, – отвёл он её руку, тянувшуюся к телефону. – Я же по хорошему. Договоримся – и любое ваше желание. А какие у нас тут желания имеются? Или нет больше желаний?

Ольга, собиравшаяся выразить своё возмущение, вдруг запнулась на слове и, холодея, вспомнила...

Троекратно повторённое им слово «желание» вернуло её на несколько дней назад. Желание. Его-то она и загадала в Новогоднюю ночь в весёлой компании подруг. Каждая написала своё сокровенное на листочке. Записочки сжигали, смеясь, но всё же с тайной надеждой на чудо. Надо было успеть под бой курантов высыпать пепел в фужер с шампанским, чокнуться и выпить.

– Гарантия, что всё сбудется, – уверяла Сонька. – А что вы загадали? Нет, нет, молчок. Всё должно быть в тайне.

Хохоту было. И вот тебе, получай! Неужели судьба так решила подшутить над ней, послав это чудо-юдо?

Ну, да. Ольга в той записочке загадала неожиданную встречу с суженым в это Новогодье. А что ещё могла желать одинокая женщина в свои «40 с хвостиком», так она обычно отвечала на вопросы любопытных о своём возрасте. И «хвостик» этот удлинился уже настолько, что скоро отвалится, обнажив совсем другую цифру. Это про таких, как она, говорят: «Ждала, ждала принца, а пришёл почтальон и принёс пенсию». Зная себе цену, она и правда ждала и выбирала. Довыбиралась. Теперь пеплом сожжённых записочек судьбу привораживать время пришло.

Ситуация меняла смысл. А что, если... Ольга попыталась примерить глупо, но благодушно улыбающееся пьяное существо на роль суженого. Рост, возраст – в порядке. Допустим – отмыть, отутюжить, побрить, постричь?

Ага. Приодеть. Вредные привычки? Захочет семью, бросит. Воображение, хоть и туманно, нарисовало вполне приемлемую картинку. Ольге показалось даже, что какой-то интеллектуальный багажик в чертах его лица просматриваться стал. Может, попробовать, коль сама судьба посылает? Вдруг это знак свыше? Только загадала – и вот он. Сватается как будто...

– Хозяюшка, – после недолгого молчания просительно заговорил «суженый», на глазах у изумлённой Ольги выгребая из карманов плохонькой курточки мелочь и высыпая её на тумбочку, – ты, говорят, не дорого берёшь, и самогон у тебя качественный. Договоримся? Не сердись за глупые шутки. Обидеть не хотел.

– Самогон? Какой самогон? О чём вы? А... Это вам этажом ниже, как раз подо мной. Ваши желания там исполняют, – попыталась она улыбнуться, выпроваживая случайного гостя.

Маргарита Петрова

● **Новогодье**

Владимир Юринов,
г. Андреаполь

Хрустели лужи, серебрились
в листве асфальтовые дыры,
на белом фоне тени длились,
и было солнечно и дымно,
и пахло горько и тревожно,
а синева была промыта,
и груды ранцев на дорожке
была заброшена, забыта.
Ребрились тени и качались,
рисунок непонятный ткали,
дымы, проворные вначале,
по парку вяло растекались,
слоились, плавали, внушая
вещественность структуры света,
и с шумом, хохотом, шуршаньем
ватага поджигала лето...

С трудом скрывая злую зависть,
топча серебряное стремя,
зима белёсыми глазами
поверх домов на них смотрела...

* * *

Линии в искристом инее,
стынут в сини вороны,
тени, по-зимнему длинные,
стелются по перрону.
И – истерично-столичная,
вой понижая до стога, –
лобнинская электричка
прочь пронесла вагоны.
Телом гремя мосластым,
мощно прошла и слепо,
рожу зелёно-красную
скорчив мне напоследок.
Слепо, безостановочно,
словно обвал со склона,
словно бульжной площадью
танковая колонна.
В погоню?
За временем летним?
А может, за птицей синей?
Поздно...
Платформа «Хлебниково».
Полдень. Ноябрь.
Россия.

ДЕКАБРЬ. РОЖДЕСТВО

Звёзды, послушайте, звёзды,
слёзно прошу мою скушную выслушать душу.
Скользко идти по бескрайнему льдистому полю,
снова созвездия ваши так тусклы.
Узко, безвременно тесно и зябко.

Резко разрезаны звуки на ломтики пауз.
Стук к диафрагме прижал чуть дрожащие пальцы,
словно из дома уходит, грустя, Санта-Клаус.
Звёзды, вы словно собрались на траурный митинг,
бросьте, не верьте – ещё никого втихаря не хоронят.
Просто под пальцами вдруг обозначился чётко и
резко
пульс, лихорадящий в ритме последней погони.
Гонят, швыряют по свету меня ошалевшие ветры.
Где-то настигнут, надёжно укрыв пожелтевшей
листвою.

Грустно, как если бы был я один на планете.
Стыдно, как если бы занял последнее место у Ноя.
Звёзды, не верьте моим обезумевшим начисто
пальцам,
строчкам, издёрганым нервно, иль попросту
полусонным,
знайте – для главной картины я только замешивал
краски.
Звёзды, я вам расскажу
о Мадонне...

БЕЛЫЙ КОТ

Кто сказал, что город светел и просторен?
Он давно погряз в осеннем карантине.
Он избыточно, он безнадежно чёрен.
Он так чёрен, что аж сам себе противен.
В синяках весь от стальной закрытой двери
брёл я, путаясь в проулках, точно в брюках,
и, подняв глаза, увидел в небе зверя,
добродушную и белую зверюгу.

Улеглись земные страсти,
светофоры смолкли хором.
Белый кот пушистой масти
снизошёл на чёрный город.
Окон редкие заплаты.
Ветер вычерчен позёмцей.
Белый кот на мягких лапах
спящим городом крадётся.

Белый кот пришёл неспешно и не сразу,
видно где-то там решал свои вопросы,
он сперва мелькал за тучей жёлтым глазом,
а потом обнюхал город мокрым носом.
И стою я, вверх задрал лицо слепое,
и мне чудится, а может, даже снится:
белый кот скользит неслышно надо мною,
мягкой шерстью щекоча мои ресницы.

Окон редкие заплаты.
Ветер вычерчен позёмцей.
Белый кот на мягких лапах
спящим городом крадётся.
И когда рассвет несмелый
осторожно крыш коснётся,
город белый, белый, белый
рассмеётся и проснётся.

- Видеомост Андреаполь – Торопец

«Прочитал. Рекомендую»

В XXI веке наблюдается снижение интереса молодого поколения к чтению и книге. Это объективный процесс – информационные технологии отвлекают от чтения, появляются разнообразные формы отдыха и учебы. И все-таки, несмотря на все проблемы, книга

остается востребованной. Ведь чтение – дело очень личностное и творческое, которое помимо получения информации доставляет еще и эстетическое удовольствие.

На волнующий многих вопрос, «Что читает молодежь?» и читает ли она вообще, Андреапольская и Торопецкая библиотеки попробовали ответить, проведя 11 декабря литературный видеомост.

В рамках виртуального общения молодые читатели двух городов делились своими впечатлениями о любимых произведениях, тем самым рекомендуя прочитанные книги друг другу. Стоит отметить, что молодежь интересуется не только литературой развлекательного содержания, но и серьезными произведениями. Прозвучали имена Людмилы Улицкой, Стивена Кинга, Дмитрия Силлова, Юрия Орловского, Олега Роя, Тамары Крюковой, Джона Бойна, Анатолия Петухова, Харуки Мураками, Артура Конан Дойла, Скотта Фицджеральда, Джека Лондона.

Порадовало то, как горячо обсуждались произведения великих русских классиков: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя.

Ребята размышляли над поступками героев, стараясь передать главную мысль произведения, постигнуть глубину авторского замысла, провести параллели, сделать выводы. В ходе веб-беседы прозвучали такие вопросы, как: литературу каких жанров предпочитает современная молодежь; кто из современных авторов, по мнению участников виртуального общения, достоин включения в школьную программу; читает ли кто-нибудь классические произведения вне рамок школьной программы, каково отношение присутствующих к произведениям таких популярных писателей современности, как Дмитрий Емец, Стефани Майер и др.

Не остался в стороне и вопрос о литературных призваниях современного молодого поколения. Среди участников видеомоста оказались молодые ребята и девушки, пробующие себя в поэтическом жанре. Например, Елизавета Линкевич, Андрей Голубев и ведущая видеомоста Александра Лельбикс, произведения которых публиковались в «Светлячке» – литературно-краеведческой газете Андреапольской центральной библиотеки. Это издание было рекомендовано к прочтению одной из участниц видеомоста техническим редактором «Светлячка» Еленой Афанасьевой. В своем выступлении она обратила внимание на рубрику «Молодые голоса» и предложила всем присутствующим попробовать свои силы в творчестве.

Первый двухчасовой опыт виртуального общения показал, что интерес к книге и чтению у молодежи и юношества занимает значительное место. И хотя участники интернет-общения с каждой стороны очень волновались, взаимопонимание было достигнуто. С целью поддержания дружеских (партнерских) отношений стороны договорились о дальнейших он-лайн и реальных встречах в стенах библиотек.

Ольга Венкова,
сотрудник Андреапольской библиотеки

Владимир Марков

НОВОГОДНИЙ КАБАНЧИК

РАССКАЗ

Виктору Ивановичу не спалось. До наступления Нового года оставалось два дня и столько же до закрытия охоты. Дела же охотбригады в этом сезоне складывались неважнецки: то стрелок на номере «отпуделяет», то зверь отвернёт «вдруг» в сторону (ох уж эти вдруг!) от стрелковой линии, то начавшаяся непогода напрочь заметёт следы зверя. А ведь, как известно, он не стоит, привязанный к дереву. Потому от удачи двух последних выездов зависел конечный результат. Пара лицензий на отстрел кабана, казалось, жгла карман бригадира.

Сухо потрескивали от мороза углы дома. В его жарко натопленном нутре лишь просвечивал через шторы уличный фонарь да подмигивали зелёным глазом часы на тумбочке.

Виктор Иванович тяжело вздохнул и, совершая своим солидным телом очередной маневр на супружеской кровати, с усмешкой подумал: «Ещё два-три разворота, и вся простыня в моём распоряжении. Вот так ты и в охоте, ведь так просто...».

Но как будто поймав его на этой незамысловатой мысли, под одеялом ворохнулось словно большая белая рыба тело жены и, приткнувшись к его затылку вновь задышало ровно и умиротворённо.

Во дворе глухо звякнул цепью Гай. «Тоже не спит, бродяга; словно чует, что и ему придётся завтра нелегко. Всё-таки как это примечательно: собаки ещё играют во дворе или мирно подремывают в будке, зачастую всё уже определено: дичь от них не уйдёт, сколько бы уже сейчас она не металась, не петляла в морозной ночи по лесам.

Только бы не было пороши, а то кабан заляжет в крепи и всё – пиши пропало.

Виктор Иванович осторожно опустил горячие ступни на крашеный пол и, просочившись в кухню, плотно притворил за собой дверь. Глотнув холодной заварки, он опустился на жалобно скрипнувший табурет возле печной вьюшки и, затягиваясь «Примой», долго вглядывался в пожелтевшую фотографию в раме покойной тещи Серафимы, словно отыскивая ответ на всё наболевшее. Но чело Серафимы со скорбно сжатыми губами хранило суровое молчание и даже как бы осуждало зятя за легкомысленные и непозволительные замыслы. Тяжело вздохнув, Виктор Иванович щёлкнул выключателем и, вернувшись на супружеское ложе, обнял жену и, слушая потрескивание мороженого дерева, вспомнил анекдот: «А мой-то дурак на рыбалку отправился...». И забылся коротким сном.

Чуть светало, когда Виктор Иванович, покормив кобеля лёгкой собачьей «шурпой», закинул за плечи охотничье снаряжение и, отстегнув карабин на шипованном ошейнике собаки, двинулся к месту сбора. У обочины уже жизнеутверждающе приветствовал наступающее утро колёсный трактор МТЗ, набирая в совё железное нутро всё больше и больше тепла. «Извозчик» Сашка-поэт ещё издали съехидничал: «Иваныч, а мы тебя уже почти час ждём-пождём.»

– Что, уже принял на грудь с утра? Смотри, вылетишь из бригады!

– Не, я ни в одном глазу, хочешь свежий стишок злободневный?

– Ну давай, композитор, нажми на клавишу.

Сашка простёр вперёд руку с шапкой и ернически продекламировал:

Куда ни дёрнешься – повсюду,
в туман забот погружена,
лаская взорами посуду,
вокруг тебя сидит жена.

(продолжение на стр.7).

(начало на стр. 6).

Может быть, сегодня отдохну от поручений, а то: «Саша, надо бы нам это, сделай то-то, сходи туда-то... Хуже горькой редьки.

- Нет, Саша, жёнку ты к вечеру ещё вспомнишь: и горячие котлетки с картошечкой, и тёплый бочок, и ещё что-нибудь. Так что нагуливай аппетит! А вот это тебе на закуску:

Неправда, что женщины – дуры,
мужчины умней их едва ли,
домашние нежные куры
немало орлов заклевали.

Вскоре все угнездились в тракторной телеге, застеленной мороженой соломой. Хватило места и для собак, дабы побережь их лапы для охоты. Сашка лихо заскочил в кабину, дал гари своему железному коню, подсвечивая дорогу заляпанными фарами. Бригада отправилась к месту охоты, где накануне вечером были обнаружены следы кабанов.

Порядком продрогшие охотники десантировались у кромки поля, где в ряд расположились бурты с заложённым на зиму картофелем. Один из них контрастно отличался от остальных, девственно белоснежных. Весь изрытый, с чёрными воронками, уходящими в чрев бурта, множеством грязных следов от кабаньих копыт – он-то и привлёк своим гнилостным запахом внимание диких свиней, обладающих очень острым обонянием. Беспорядочная россыпь кабаньих набродов в сотне метров от бурта наконец выстраивалась в один след. Всё более обесцвечиваясь, он уходил к ближайшей кромке леса. Встав на лыжи, охотники двинулись по следу. Собаки, резко рванувшие вперёд, вскоре притомились и, проваливаясь, тащились сзади по свежепроторенной лыжне.

Пройдя километров около двух, охотники уткнулись в непролазный молодой ельник. По тому, как занервничали, залаяли собаки, было решено, что здесь и находится дневная лёжка кабанов. Сделав большой круг, убедились: выхода из ельника нет, значит, зверь находится в окладе. Проведя короткий инструктаж, Виктор Иванович быстро расставил часть охотников на номера, остальные же с собаками двинулись в загон. Томительное ожидание. Ели в снежных тулупах создают звенящую тишину. Но вот послышались постукивания по стволам деревьев, крики загонщиков, заголосили собаки, глухо ударил выстрел.

Виктор Иванович, стоя в маскхалате под прикрытием могучей ели, осторожно снял «вертикалку» с предохранителя, опустил указательный палец левой руки на спусковой крючок и по тому, как посыпался снег с верхушек ельника, понял: зверь не выдержал, поднялся и тронулся в сторону номеров. А уже буквально через несколько мгновений рыже-бурые силуэты кабанов, выскочив из ельника, на огромной скорости замелькали между стволов леса. Виктор Иванович повёл стволами перед ближайшим зверем и, сделав упреждение, выстрелил в угон. Большая щепка, кувыркаясь, отлетела от ствола ели. Ещё выстрел. Визг кабана, и в мгновение ока стадо скрылось из глаз охотников, но ещё некоторое время был слышен треск ломаемых сучьев и утробное хрюканье зверей.

Когда возбуждённые охотники сошлись вместе, снялись с номеров и прошли за умчавшимся стадом метров около двухсот, были обнаружены следы крови. Раненный Виктором Ивановичем кабан резко повернул в сторону от стада. При каждом его прыжке по глубокому снегу по обе стороны следа была видна алая россыпь кровяных шариков.

- Всё, мужики! Времени не теряем. Вы идите с собаками за стадом, а ты, Сашок, со мной, добирать подранка. У него пробито навывлет лёгкое, так что далеко не уйдёт. Как доберём кабана, дадим сигнал.

Сашка с готовностью встал рядом с бригадиром, попутно предложив:

- Иваныч, давай мне свой рюкзак. Ты ведь будешь идти впереди, так что он и стеснять тебе рук не будет, да и идти полегче. А я нынче без тормозка.

- Ладно. Смотри только – не отставай.

Знал бы бригадир, чем это для него обернётся, но в азарте охоты скинул рюкзак с плеч и, перехватив поудобнее ружьё, ходко ушёл вперёд, оставив Сашку с рюкзаком и сигаретой во рту.

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 6-7).

Прыжки кабана становились всё короче, всё обильнее пульсировали по обе стороны следа фонтанчики крови. Вскоре зверь перешёл на шаг, несколько раз ложился отдыхать, оставляя на подтаявшем под ним снегу большое красное пятно. Однако, заслышав приближающееся шуршание лыж, кабан вновь и вновь поднимался и уходил вперёд. Но вот его след неожиданно пересёкся с тропой стада и многочисленными следами преследующей его бригады, и зверь резко повернул от них в сторону.

Виктор Иванович взмок, пот непрерывными ручейками стекал по телу, заливал глаза, уже давно нараспашку тёплая куртка, рукавицы подсунуты под ремень с подсумком, шапка чудом держится на затылке, но охотничий азарт гонит и гонит его вперёд, лишь изредка давая передышку, чтоб бросить на разгорячённое лицо и в пересохший рот пригоршню снега.

Вдруг след резко оборвался. Был – и вдруг исчез. Виктор Иванович растерянно озирался, но вокруг был только нетронутый снег, да глухо шумели верхушки высоких елей. Освободившись от лыж, Виктор Иванович развернулся и, проваливаясь по колено, двинулся по лыжне обратно. Пройдя несколько десятков метров, охотник заметил, как что-то тёмное мелькнуло впереди. «Кабан!!! Ну всё, дружок, отбегайся!» Он резко присел и, опершись коленом в снег, вскинул ружьё. Но к немалому его изумлению из-за ёлок вперевалку, проваливаясь по самый живот, показалась...вислоухая морда Гая с висящим до самой земли подзором слюней. «Вот чертяка, всё-таки распутал следы и ушёл от бригады вслед за хозяином. Ну, чистый профессор!!! Что заморился, бродяга? Ну, ничего! Осталось недолго, потерпи!» Почесав за ушами и потрепав по загривку собаку Виктор Иванович ещё раз огляделся и двинулся обратно к лыжам, стараясь ставить ноги след в след. Неожиданно кобель набатно взлаял и, проскочив мимо хозяина по целику, истошно загамел и стремглав бросился к ельнику, находившемуся метрах в трёх от лыж. Что-то зашумело, ельник закачался, посыпались шапки снега, и опять всё стихло. Выждав некоторое время, Виктор Иванович стволами отодвинул ветки и присвистнул: под нависшим лапником чётко отпечатались следы кабаньих копыт, видна была кровь. «Вот так прыжок! Так он же меня поджидал! В засаде! Почувствовал, что слабеет, не уйти от преследования, и решился атаковать внезапно сзади!!!» - запоздалым холодком окатило охотника. «Ну это мы ещё посмотрим, кто кого!» - и, забыв про усталость, изумлённый коварством кабана, Виктор Иванович ещё быстрее заспешил вдогонку за опасным противником. «Только бы успеть добрать засветло, ночью здесь ловить будет нечего!» - в сердце закрадывалась тревога.

Но вот между ёлок стали проглядываться просветы, и Виктор Иванович оказался на крутом берегу довольно широкой реки, куда и спускались следы кабана. Взглянув в бинокль, он увидел, что они поднимаются вверх по откосу другого берега и вплотную подходят к растущему на склоне реки лесу. И тишина. И никого. Лишь вопросительно поглядывает на хозяина поспевший Гай. «Всё, ушёл!» - с сожалением подумал Виктор Иванович, до боли, в глазах вглядываясь в бинокль. Вдруг какое-то чёрное пятно шевельнулось на противоположном берегу. Внимательно присмотревшись, охотник отчётливо увидел, что кабан, наполовину скрывшись под ёлкой, вдруг забуксовал, не в силах преодолеть последние метры высоких сугробов. «Сейчас передохнет, сделает два-три прыжка, и был таков!»

Лихорадочно прижав ружьё к стволу ближайшей ели, Виктор Иванович постарался хоть на мгновение уменьшить бухающее сердце, затаил дыхание и плавно нажал спусковой крючок. Двенадцатый калибр громыхнул на открытом пространстве реки словно гаубица. Кабан шевельнулся и ещё немного продвинулся внутрь своего укрытия. Ещё выстрел. Виктор Иванович разломил ружьё, эжектор резко выбросил дымящиеся гильзы. Отстегнув клапан подсумка, Виктор Иванович потянулся за патронами, но взглянув в сторону реки, оторопел: чёрная туша кабана, скатившись с откоса, взметая копытами комья снега, стремительно летела в его сторону. «Это же просто какой-то камикадзе!» - только и успел подумать Виктор Иванович. Машинально выставив руку с раскрытым ружьём, охотник сделал шаг назад, ухватился за ручку ножа и резко выдернул его из ножен. «Выстрелить уже не успеваю...»

(продолжение на стр. 9)

(начало на стр.6-8).

Округлившимися глазами, словно в состоянии ступора, Виктор Иванович изумлённо смотрел на летящего на него грозного вепря. И вот, когда до зверя оставались какие-то пять-шесть шагов, откуда-то сбоку со вздыбленной на загривке шерстью на кабана кидается Гай. Вцепившись своими клыками в галифе зверя, пёс повис на нём всем своим пятидесятикилограммовым весом, сразу погасив спринтерский рывок кабана. Пытаясь сбросить с себя неожиданную помеху, зверь резко затормозил, развернулся всем корпусом и, щёлкнув жуткими изогнутыми клыками, попытался подцепить на них собаку. Этим несколькими секундами хватило Виктору Ивановичу, чтобы выдернуть из подсумка один патрон, вставить его в ствол и, подскочив к кабану почти вплотную, выстрелить ему в голову возле уха.

Как оказалось впоследствии, этот единственный патрон был с крупной картечью, от которого зверь рухнул, как подкошенный. Остальные три патрона в подсумке оказались... дробовые. А весь боезапас унёс Сашка, уйдя по ошибке на пересечении следов вслед за бригадой. И то сказать: тяжело на охоте иметь дело с поэтами, а особенно – с похмелившимися.

Быстро темнело. Взволнованный и разгорячённый охотой Виктор Иванович теперь растерянно топтался возле туши кабана. Было очевидно, что в пылу и азарте он ушёл, добирая кабана, далеко за пределы своего охотхозяйства. На три выстрела из оставшихся патронов ответа не последовало. Перспектива заночевать в зимнем лесу не воодушевляла: не было ни спичек, ни патронов, ни еды, ни сухой одежды... Всё ушло вместе с поэтом в неизвестном направлении. Над верхушками гигантских елей всё быстрее смыкался тёмный шатёр неба. Холод начинал пронизывать до костей. Виктор Иванович не имел ни малейшего понятия, где он находился. Первая мысль была – бросить кабана в лесу, оставить на нём для отпугивания хищников пустые гильзы и попытаться вернуться обратно по лыжне. Но отсутствие фонарика и наступившая темнота лишали этой возможности. Да и против того, чтобы бросить завидный трофей, добытый настолько экстремально, протестовала вся натура охотника.

- Ну что, Гаюшка, друг ты мой дорогой, будем как-нибудь выкарабкиваться!? – обняв кобеля, удручённо проговорил охотник и в уже почти полной темноте, при свете лишь звёзд, проглядывающих в пяточке меж высоких елей, вспорол ножом живот кабана, вывалив наружу все его внутренности.

Соорудив из широких лыж и бечёвки подобие саней, перевалил на них тушу зверя, а затем, соединив поясной и ружейный ремни и используя ружьё как поперечную тягу, впрягся в свою повозку. Виктор Иванович решил двинуться в обратный путь по реке, поэтому для начала аккуратно спустил волокушу на заснеженный лёд и медленно двинулся в левую сторону. Внутреннее чутьё подсказывало, что ему нужно именно туда.

Сколько он шёл, всё чаще и чаще делая передышки для восстановления сил и дыхания, Виктор Иванович не помнит. «Только не расслабляться, не раскисать, не останавливаться – замёрзну...» Но силы всё быстрее и быстрее оставляли его тренированное тело. «Ну хотя бы краюху хлеба!» – с тоской думал Виктор Иванович, с завистью оборачиваясь в сторону Гая, который с полным брюхом и перемазанной кровью мордой флегматично переваливался за ним по снежной траншее, оставляемой лыжно-санной волокушей.

И, о, чудо! Видно, сама Диана вступилась за потерявшего счёт времени и пространства измученного охотника. Откуда-то отдаленно, но всё более приближаясь к месту дислокации Виктора Ивановича, нарастал гул мотора...

Словно потерпевший крушение мореплаватель, выброшенный на необитаемый остров и увидевший проходящий мимо корабль, Виктор Иванович как зачарованный слушал этот отзвук. Затем, словно обретя второе дыхание, он бросил свою волокушу и, как ему казалось, быстрее кабана устремился в сторону среды человеческого обитания. Действительно, метров через триста он выбрался из леса. Перед ним расстилалось заснеженное поле, которое буквально искрилось в свете луны и звёздного неба. В конце же поля была видна цепочка огоньков, куда и приближался

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 6-9).

свет тракторных фар. Очевидно, это животноводческая ферма, решил Виктор Иванович. Воодушевлённый, он вернулся к волокуше, впрягся в свою поклажу и, вспомнив подвиг Маресьева, с титаническими усилиями вытащил её сначала в поле, а затем и на тракторную дорогу.

Почти в полуобморочном состоянии Виктор Иванович доволочил свою добычу до деревни, находившейся сразу за фермой, стукнул в светящееся окно первого дома и почти замертво свалился рядом с кабаном, жадно хватая воздух воспалённым ртом.

Очнувшись он от звука женского голоса. С трудом разлепив веки, увидел стоявшую рядом пожилую женщину с фонарём:

- А я смотрю всё в окно и не пойму, чтой ты, жалкий мой, улёгся в заулке и не шавелишься. А рядом то ли волк, то ли вядмедь, не пойму никак, валяитцы. А кобель-то всё кругами, кругами вокруг... Вроде бы как охраняит. Давай-ка в дом, родимый, вставай...

Цепко ухватив Виктора Ивановича за рукав, женщина помогла ему подняться. Опираясь на ружьё, как на костыль, он с трудом поднялся на обледенелое крылечко и, как в нирване, окунулся за порогом в тепло деревенской избы...

Что было дальше? Ну, это уже отдельная история.

ЭПИЛОГ

Надо ли говорить, что за новогодним столом у Виктора Ивановича гвоздём кулинарной программы был рулет из кабанятины, приготовленный супругой по особому рецепту.

И совершенно естественно, что основное внимание собравшихся за столом гостей было приковано к эпическому повествованию Виктора Ивановича о своей предновогодней охоте. Сидящий же напротив хозяина Сашка, неизменно приглашаемый на все семейные торжества, подкладывал себе очередную порцию кабанятины, чокался с хозяином, говоря:

- Нет, ты скажи, Иваныч! Как мы его!!!

• Новогодье

В СНЕЖНОГОРСКЕ Сказка-шутка

Жители Снежногорска очень любят Зиму и с нетерпением ждут Новогодних праздников. В городе царит предновогодняя суэта. Вокруг нарядных ёлок дети уже катаются на коньках, играют в снежки и запускают фейерверки.

Женское население города обсуждает, что нынче в моде. Говорят, что сейчас в Тренде не зимние шапки-Вёдра, а шляпки-кастрюльки от Ледышкина. Косметические салоны предлагают новые виды услуг: не только «глазки-угольки», но и «шиповничек», «оливки», а также коррекцию носиков-морковок. Сейчас в моде жёлтенькие носы «бананчики» и зелененькие носы – «огурчики», а также розовенькие носики «редисочки».

На Новогоднем столе, согласно Гороскопу, должны быть: ледяное шампанское, фруктовый холодец, салат «Снежность», торт «Снежинка» с белым шоколадом и любимое мороженое.

А в это время снежнгорцы-мужчины ведут здоровый образ жизни: занимаются зимними видами спорта. Здесь не только лыжные гонки и саночные состязания, но и местные виды спорта. Такие, как снежнгорская борьба, фигурное комкание и комочные бои.

Впереди Зимняя Олимпиада. Крайне Озабоченный Морозный Олимпийский Комитет города, сокращённо КО МОК хочет, чтобы местные виды спорта включили в Международные Олимпийские игры. Газета «Снежные вести» предлагает читателям репортаж спецкора Метелькина с места спортивных событий:

«Наши спортсмены Морозов и Сосулькин состязаются в комочных боях. Момент напряжённый! Кто же из них победит? Да, да! Вы совершенно правы!

Внимательно взглядевшись в это фото, вы уже догадались, кто же получит «золото». Именно так, дорогие читатели! Медалью награждается тот, кто улыбается! Добрый нрав и хорошее настроение открывают нам все двери. Поэтому - улыбайтесь!!!»

Мария Черкасова

● Новогодье

Галина Андреевко

Нам дано, что не прошено

Вырастают сугробы снежные,
Налетают ветра вьюжные.
Твои руки такие нежные,
Просыпаюсь, их лаской разбужена.
Спят поля белоснежно-безбрежные,
Убаюканы песнями зимними.
Поцелуи твои неизбежные
Пробуждают мои – взаимные.
На изгибы реки небрежные
Паранджа ледяная наброшена.
Мы наивные и безмятежные.
Нам дано то, что нами не прошено.

Фёдор Иванов

Белые пятна

Муза моя засыпает в начале зимы
Под батареей, где самое тёплое место.
И замечаешь за строчками свойства хурмы –
Вязким становится прежде звучавшее веско.
Музе не холодно, слава богам ЖКХ.
Ветер, беснуясь, в оконный вгрызается пластик.
Но до того, как сказать, что погода плоха,
Точно узнай, не спешат ли снежинки на кастинг.
Фильмы про снег –
в декабре безусловный мейнстрим.
Зритель приходит с лопатой вместо попкорна.
Вот и поэты копают себя изнутри,
Вот и поэзия путана и малокровна.
Пауза в жизни бывает порою и впрок.
Всё до весны, до зелёных побегов на ямбе.
Выйдя из дома сейчас, не увидишь дорог...

Жалобно щурясь при включенной комнатной
лампе,
Муза моя засыпает... И кажется мне,
Будто пробелы в тетради важнее, чем строки.
Строки – о том, как ты ладил с людьми на Земле,
Белые пятна – о том, как ты был одиноким.

Татьяна Лапко

Ты сказал, что зима – это смерть,
Всё не так, и ты знаешь об этом,
Нам ведь многое надо успеть,
А особенно будущим летом.
Ну и что, что в саду листопад,
Ну, подумаешь – северный ветер,
Птицы смолкли, и скучным стал сад,
Где однажды меня ты заметил.

Сколько встретили вёсен и зим,
Всех их помним, а это так важно –
Не поддаться уныньям седым,
Не сдаваться рутинам бумажным.
Ты сказал, что зима – это смерть.
Это страшно. Но знаю другое:
Зимний сон я смогу досмотреть
И однажды - дожждаться покоя.

Виктор Голубев

Опустился иней пушистый
На траву, на кусты, и на лес,
Ослепительный, серебристый,
Появился, как манна, с небес.
Все укутал он белою шубой,
Не видать ни травы, ни ветвей,
Лишь стволы своей теменью грубой
Отделяют леса от полей.
Здесь мороз поработал на благо –
Нашу душу согреть красотой:
Он собрал в свои руки всю влагу
И разбрызгал узор озорной.
Нарядил он осину в оборки,
А берёзу в пушистую шаль,
Ель одел бахромю в сборку,
На кусты он накинул вуаль.
И траву он одел, позабавил,
В шубу белую с иглами льда,
Лишь стволы не одел и оставил
Их чернеть. Велика ли беда?
Воздух звонок и чист, как слеза,
Как алмаз на подносе неба.
Я гляжу, округлив глаза,
Удивляясь, то была или небыль?

Юрий Смирнов

Сегодня впервые зима не ущербна:
Пропитано всё фосфорической пылью,
От воздуха леса до призрачной вербы,
Что родом из детства, но кажется былью.

Луч солнца дробится, ломаясь о ветки.
И дышится глубже и, кажется, проще,
Когда с декабрём, как моим однолеткой,
Проходим по роще, оснеженной роще.

И всё иллюзорно, как лёгкие блики,
Как хрупкие льдинки на тёплой ладони,
Как бурый, подсохший цветок повилики,
Как след самолёта, как красные кони.

• Невыдуманные истории

НОЧНАЯ КУКУШКА

Василий считался хорошим, добропорядочным семьянином. Только вот с женой ему не повезло. Пьяница, да еще вдобавок ко всему не хозяйка. Часто, возвращаясь домой после напряженного рабочего дня, он видел в доме грязь и отсутствие всякой еды. Настроение сразу же становилось мрачным, и он нередко задумывался о своей незавидной участи. К тому же и односельчане не скупилась на характеристики в адрес Галины. Советовали разойтись с пьяницей и начать жизнь сначала.

Единственной отрадой для него был сын Сережа. Он еще совсем крошкой так любил отца, так тянулся к нему. Василий часто брал сына к себе в трактор, и они колесили вместе по деревне. Соседям было приятно видеть счастливые глаза ребенка. Только отец мог подарить ему такое счастье. Но долго это счастье не длилось. Василия увела другая женщина. Конечно, Галина, не бросающая своё пагубное занятие, ей не ровня. Красивая образованная Татьяна к тому же была и отличной хозяйкой.

В деревне никто не удивился, что Василий ушел от жены, которую не жалели. Судачили, что ее давно уже надо было бросить. Сережу отец взял в свою новую семью. Галина не возражала, что ее единственный ребенок живет не с ней. На одной из вечеринок в клубе родная мать подарила цветы приёмной – Татьяне, и от всей души поблагодарила ее за воспитание Сережи.

К сожалению, мальчик и в этой семье оказался лишним. Татьяна рассудила так: «Родной матери он не нужен, а мне-то зачем?». Сережу вернули назад, в дом, где спиртное было делом привычным, а с некоторых пор и необходимым. Василий не возражал.

Все были в возмущении от такого поступка отца. Да, Татьяна твердила одно: «Я ненавижу чужих детей. Почему я должна его терпеть? У нас будет свой ребенок!». Но Татьяна это одно, а отец другое. Почему он, так любивший своего единственного сына, легко от него отрекся?

– Был бы пьяница – другое дело, – рассуждали односельчане. – От него бы и не ждали ничего хорошего, а это трезвенник. Всегда был в почете. В совхозе работал - одни только благодарности за труд. Сколько было таких лет, когда он 200 гектаров посеет и 200 тонн намолотит. Рекордные нормы выработки. Перешел в леспромхоз – опять в передовиках. И здесь такой поступок. Дочку Татьяны, можно сказать, чужую, на мотоцикле возит, а своего сына не признает! Да, неслучайно говорят: «Ночная кукушка дневную перекукует». Дети нужны, когда нужна жена. Не нужна жена, не нужны и дети.

И возразить таким речам было нечего.

Галина Ермолаева

• Мысли вслух

ШИРОКОЕ ТОЛКОВАНИЕ - НЕ ВСЕГДА БЛАГО

В "Маленьком принце" Антуан де Сент-Экзюпери сказал: "Мы в ответе за тех, кого приручили". Замечательная, глубокая мысль, утверждающая человеческое начало в человеке в отношениях с другими существами, не людьми. Об этом свидетельствует слово "приручили" слишком грубое, даже неприемлемое для характеристики отношений между людьми.

Тем не менее, конечно же, из лучших побуждений, эту мысль часто толкуют предельно широко, неправомерно распространяя её и на межличностные отношения. Если бы Экзюпери имел в виду межличностные отношения, то он, тонко чувствующий человек, поэт, избежал бы даже намёка на унижение. И тогда фраза могла бы звучать так: "Мы в ответе не только за тех, к кому испытываем чувство любви или искренней привязанности, но и за тех, кому подали надежду, кого обнадёжили".

Произвольно широкое толкование пробуждает мысль о высокомерии Экзюпери, что противоречит мнению близко знавших его людей.

Александр Мальчуков

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

Попадали, конечно, время от времени в Орловку и дураки, и откровенные хамы, и любители делать карьеру на костях других, но очень быстро такие «ребята» обламывались, «приводились к общему знаменателю», и в дальнейшем или, исправившись, вливались в общий коллектив, или, в крайне тяжёлых случаях, существовали отдельно, как бы в параллельном пространстве, стараясь не высовываться и особо «не отсвечивать».

«Разбалованные» хорошим коллективом и добропорядочными межчеловеческими отношениями, попадая в другие места службы, орловцы зачастую сталкивались с непониманием, а иногда и с неприкрытой враждебностью со стороны начальства, а порой и сослуживцев. Не всем по душе открытость, честность и способность говорить правду в лицо. Тем более в армии. Большинство орловцев, конечно, быстро адаптировались к новым реалиям, загоняли своё орловское эго поглубже вовнутрь, как говорится – «отращивали панцирь», но попадались и такие, кто оказывался неспособен на «камуфлирование» и, не прижившись на новом месте службы, возвращался назад в Орловку. Таких называли «возвращенцами». Их было немного, но они были, и одно их существование говорило о неординарности и своеобразной привлекательности этого непрестижного и, казалось бы, совсем непривлекательного места службы. «Возвращенцы» эти мне всегда напоминали средневековых крепостных крестьян, бежавших с плодородных, но, увы, несвободных земель, из помещичьей кабалы, на суровые рискованные окраинные рубежи – в Запорожскую Сечь, на Урал – в поисках казацкой вольницы и лучшей доли.

Не могу не вспомнить в этой связи командира звена Борю Петрова. Он возвращался в Орловку дважды. Первый раз, прослужив в гарнизоне десять лет, он в конце 80-х уехал по замене куда-то на Украину, кажется в Лиманское. Но вскоре вернулся, не сойдясь характерами с командиром тамошнего полка. Второй раз Боря заменился в 91-м году уже в Западную группу войск, в Германию. Служба в Германии в 90-х годах была особенной, ведь военнослужащие получали там не просто валюту, не социалистические восточногерманские марки, на которые и купить-то особо было нечего, а получали они там с 1 июля 1990 года марки полновесные – «эфэргэшные», и отоварить их можно было – будь здоров! – западным товаром, который после падения «Берлинской стены» валом хлынул в восточногерманские магазины. Поэтому в Германию тогда стремились все – от зелёного лейтенанта до убелённого сединами генерала; и грызня в полках за каждую должность, за каждую штатную клетку была – мама не горюй! Чистый серпентарий! Тут уж клювом не щёлкай! Не дай бог, что не так – сожрут моментом и не подавятся. И на место твоё немедленно кого-нибудь пришлют. Мест мало, а желающих, поди, много! Стóбит ли после этого удивляться, что Боря не продержался в Германии и трёх месяцев, в очередной раз вернувшись к своим орловским пенатам. Вообще, Боря был в орловском гарнизоне личностью известной. Мало того, что он был в Орловке старожилом, он ещё отличался и своими уникальными личностными качествами.

Во-первых, он был страстным – и умелым! – охотником. Дичь в окрестностях Орловки, наверняка, знала Борю в лицо. Он регулярно добывал для своей семьи зайцев, лис, косуль, кабанов, не говоря уже о разнообразной пернатой дичи, а поголовье енотов, заполонивших в своё время все здешние леса, он за несколько лет практически в одиночку вывел почти «под корень». Впрочем, Боря ещё появится в этом своём охотничьем качестве на страницах нашего повествования.

Во-вторых, Боря славился в гарнизоне как неподражаемый рассказчик. Его короткие байки, яркие образы и словесные обороты передавались из уст в уста и ходили среди личного состава в виде анекдотов. Чтобы не быть голословным, приведу два образчика, две реконструкции неподражаемого Бориного словотворчества, запавшие мне в память:

«...В отпуске с шугином на Волгу ездили, – (Боря к тому же слегка картавил, что придавало его

(продолжение на стр.14).

(начало на стр. 13)

речи дополнительный колорит). – На г'ыбалку. Г'ыбы наловили – полный багажник! Но самое главное сома добыли. На донку. Здоговенный, сволочь!.. – Боря пытается показать руками, но в «кунге» тесно – не размахнёшься. – Во! Глаз, как фугажка!..»

Или вот ещё:

«...Из г'естогана выхожу, а ко мне мент: "Вы пьяны – пойдёте!.." Это я-то пьян?! Ах ты, загаза! Ну, я г'азмахнулся как следует и ему – поomez глаз! Он куда-то улетел, а пуговицы от кителя ещё секунд пять на месте висели. Потом осыпались...»

Рассказ об орловском населении будет неполным, если не упомянуть о жителях окружающих деревень, о том, так сказать, «человеческом фоне», на котором существовали орловцы. Но, говоря о местных жителях, об «аборигенах», нельзя не коснуться истории возникновения этого «фона», то есть истории заселения окрестностей Орловки да и всего Дальнего Востока в целом.

Дальний Восток – территория в составе Российской империи относительно молодая. Её оформление в нынешних границах в общих чертах было закончено только к середине XIX века.

Сейчас в это трудно поверить, но на 1861 год на всём Дальнем Востоке проживало порядка трёх тысяч россиян. Три тысячи человек на территории, превышающей двадцать Италий или десять нынешних Украин. Представьте, что в каждой области Украины проживает всего-навсего 10-15 человек. Представили? Я нет. Воображалки не хватает.

«Подождите! – воскликнет наш дотошный читатель. – А как же местные жители?! Как же все эти якуты, чукчи, эвенки, нанайцы, коряки и прочие?! А китайцы с корейцами?!..» Да! Да, мой читатель, были. Были и чукчи с коряками. И китайцы с корейцами. Но аборигенов в те времена вообще никто не считал. По приблизительным же прикидкам учёных было их всех вместе в ту пору на весь Дальний Восток не более ста тысяч. То есть можете ещё поставить в центре каждой области нашей воображаемой Украины по одному стоквартирному дому. Ну что, дотошный читатель, полегчало? Мне нет. Особенно если учесть, что большинство из этих домов (в соответствии с кочевыми склонностями аборигенов) ещё и активно перебегает с места на место.

В год отмены крепостного права в России стартовала и первая правительственная программа заселения Дальнего Востока. Всем желающим переселиться по месту приезда безвозмездно предоставлялось по 100 десятин казённой земли. Кроме того, переселенцы освобождались от рекрутского набора и подушной подати. Но переселиться на дальневосточные земли имели право только крепкие крестьяне, имевшие в наличии не менее 600 рублей денег – сумма по тем временам огромная. (Для справки: корова в те времена стоила 8 рублей, дом-пятистенки – 100, годовой оклад уездного судьи равнялся 300 рублям).

Вторую волну заселения в начале XX века организовал Пётр Аркадьевич Столыпин. Здесь тоже упор делался на крестьян, способных к самостоятельному – «своекоштному» – переезду и освоению предоставляемых правительством земель.

Совсем иначе подошло к освоению восточных земель советское правительство. Оно сделало ставку на безземельную бедноту, батраков и люмпенов. В 30-40-е годы на Дальний Восток переселяли целыми колхозами. Бывали случаи, когда на новые земли привозили сначала ссыльных кулаков, а следом за ними приезжал в полном составе и колхоз, ради создания которого эти самые кулаки и были раскулачены. Встреча была тёплой.

Четвёртая и последняя попытка заселения дальневосточных земель была предпринята в 70-80-е годы. Я отчётливо помню рекламные листовки, висевшие чуть ли не на каждом столбе в белорусских и украинских городах, и предлагавшие всем желающим переселиться на плодородные берега Амура. Добровольцам предоставлялся дом, корова, необходимый сельхозинвентарь и 10 000(!) рублей подъёмных (напомню, примерно столько стоил в ту пору престижный автомобиль «Волга»).

Не знаю, как насчёт первых двух волн переселенцев, но потомков третьей и представителей четвёртой волны я непосредственно на месте застал. У одной такой семьи в деревне Верное, что находилась в двух километрах от Орловки, я покупал молоко.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

То есть корова у них ещё была. Дом у них тоже был – прекрасный рубленый пятистенок: крепкий, светлый и просторный. Вот только из мебели в этом доме присутствовало: куча тряпья в углу в одной комнате – там спали; и газета «Правда», расстеленная на полу в другой комнате, – там ели. Следует отметить, что на всю деревню Верное, а в ней насчитывалось порядка пяти десятков таких же крепких красивых домов, кроме этой коровы, были ещё всего лишь две. Три коровы на пятьдесят домов. Остальные давно были «аборигенами» либо проданы, либо съедены. Надо ли говорить, что давно были проедены, а точнее пропиты, и десять тысяч подъёмных рублей.

Образ жизни «аборигенов» был весьма незамысловат и организован местным руководством до гениальности просто и рационально. В день полочки всё трудоспособное население местного совхоза собиралось в центральной усадьбе – в посёлке Сосновка, что в шести километрах от Орловки, – возле поселковой конторы и начинало терпеливо ждать. Где-то ближе к полудню в посёлок въезжала инкассаторская машина с полочкой. К конторе моментально выстраивалась извилистая очередь. Вслед за инкассаторской машиной в Сосновку въезжал грузовичок, доверху загруженный спиртным – водкой и какой-нибудь супердешёвой «плодово-выгодной» бормотухой. Получившие зарплату аграрии прямым ходом устремлялись к сельпо, возле которого уже торопливо разгружался упомянутый грузовик. Инкассаторская машина, передав в контору деньги, никуда не уезжала, а оставалась терпеливо ждать. После того как, получив в конторе деньги, совхозники в том же количестве оставляли их в сельпо, инкассаторы снимали в магазине кассу, паковали деньги обратно в те же самые брезентовые сумки и с чувством выполненного долга покидали Сосновку. Следом пылил порожний грузовичок. Неделю совхоз гулял. Найти в эти дни в хозяйстве хоть одного трезвого человека было занятием абсолютно бесперспективным. Работы не производились, урожай не убирался, оставшиеся в живых немногочисленные коровы стояли по сараям недоенными. Через неделю заканчивалось спиртное и «аборигены», потирая опухшие рожи, потихонечку выползали на работу. Следующие три недели жизнь в совхозе понемножечку теплилась: кто-то что-то делал, чего-то пахал, кого-то доил. Сельпо отпускало продукты под запись, до полочки. А через три недели цикл повторялся.

(продолжение следует).

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС! «ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ»

* * *

Морковь одушевляя,
Мы перешли черту,
И не воздали славу
Лохматому кочну.

Ведь он приют рожденья
Всех маленьких детей;
Давайте разберёмся,
Кто всё-таки важней.

Морковь всегда активна,
Тверда и так сладка,
И пёрла каждой ночью
По два - по три вершка.

А рядом зеленела
Капустная гряда.
Кочан, круглясь не в меру,
Распутно выделял
Без всяческих застёжек
Нахально голь свою,
Ну как не соблазнишься
На родословную.

Что там происходило,
Земля не выдаст нам
Деторожденья тайну,
Их сексуальный план.

Но как всегда бывает,
Наш хэппи-энд хорош:
Морковь с кочном венчали
На украинский борщ.

Юрий Назаров,
г. Осташков

* * *

Семестр за семестром, своим чередом
Экзамены, лекции, практика, дом...
В учебном году, ни в конце, ни в начале,
Студенты друг друга и не замечали.

Но всё-таки встретились он и она,
Дождливая осень отнюдь не весна.
Колхозной моркови бескрайнее поле
Досталось Володе, досталось и Оле!

Короче, отправили их на морковь,
И там между ними случилась любовь.
Я сделала вывод, друзья, поневоле:
Нас сильно сближает морковное поле.

Раиса Земскова,
г. Нелидово

Работы присылать в электронном варианте по
адресу: andkniga@andreapol.tver.ru

или присылайте рукописи по адресу:

г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;

или приносите в районную библиотеку.

Светлана Миронова,

п. Пено

НЕ БРАЛА

Смотришь с укором, не хочешь поверить,
 Просишь немедленно перепроверить!
 К совести женской напрасно взываешь,
 И к покаянью меня призываешь...
 Стонешь: пять раз обыскал всю квартиру.
 Баню. Сарай. Был за дверью сортира...
 Тысячу раз повторяю безумцу:
 - Ну не брала я твои плоскогубцы!!!
 Мамой клянусь, «зуб даю», «гадом буду».
 Мне ни к чему древней техники чудо!
 Перекусить ничего не решила.
 Даже соседу не одолжила!
 Каюсь: отвёрткой цветок порыхлила...
 Но плоскогубцы не трогала, милый!
 Не возражаю: найдёшь – для порядка,
 Как в сериале, снимай отпечатки!
 Если моих обнаружить не сможешь,
 Помни: ущерб возместишь мне, Серёжа!
 Как это – чем? Нужен психике допинг,
 Так что оплатишь внеплановый шопинг!
 Что, испугался?! Расслабься, дружище...
 Ладно, пойдём, снова вместе поищем!

Фёдор Иванов,

г. Тверь

* * *

Всё реже радует собой
 при встрече ведомость зарплатная.
 Между окладом и судьбой
 есть связь – прямая и обратная.
 Наверно, я тружусь не тем,
 с не теми рвением и пылом,
 что мне приносит на хвосте
 зарплатный аист шило с мылом.
 И, видно, руки мне Господь
 отдал последние на складе,
 не дела для, а смеха ради
 прикочегарив к плоти плоть.
 За что на свете ни возьмусь, -
 от плоскогубцев до карьеры, -
 итог трудов наводит грусть
 на эталоны и примеры.
 Грущу и сам, прильнув к окну,
 Примкнув к унылому пейзажу,
 В котором август тащит баржу
 Осенних дней
 сквозь темноту...

Игорь Столяров,

г. Нелидово

Я намедни опять простыл,
 Но хвороба ехидно радует:
 Даже насморк не так постыл,
 Если орды моих бацилл
 Кому надо на рыльце падают.
 А чихается мне на всех
 По-весеннему так неистово!
 В многогорлый чиновный смех –
 Как в прохладный платок батистовый.
 И в гриппозном шальном бреде
 Наплевав на охрану личную,
 Я соплями сражать пойду
 Наповал борзоту столичную.
 Постучусь, как судьба, в чертог
 И, шелушкой сплюнув: "здрасьте вам",
 Преступив золотой порог,
 Как с особым ч-чих-х-хну
 пр-ристр-р-растием!

Чтоб забегали: "Ах-ах-ах!
 Кто такой да чего-с изволите-с?"
 Тут я им изложу в стихах
 Мой апчхи! – манифест по совести.
 Попрошу я: "Доколе – шмыг! –
 Нам терпеть наказание лютое?
 Гляньте: насморком материк
 Да коррупцией как опутало!"
 Испугается господин,
 Принесет два французских шкалика:
 "Вот, лечитесь, – «Реми Мартин».
 Вы же нам заразите, блин,
 Всех подряд – от меня до Шарика".
 Я отвечаю: "В своем доме
 Разберитесь со всей хворобою!
 А лечить меня ни к чему...
 Но коньяк заберу! Попробую.
 Мне пора. Сквозняки у вас
 Так и шастают в каждой комнате.
 Вы за Шариком – глаз да глаз!
 И за частью большого... Помните!"

...Вот я чиху навел бы, а, –
 Упиваясь своим начханием!
 Шарик, как чихуа-хуа, –
 Поддержи! Ну, хотя б
 названием...

